

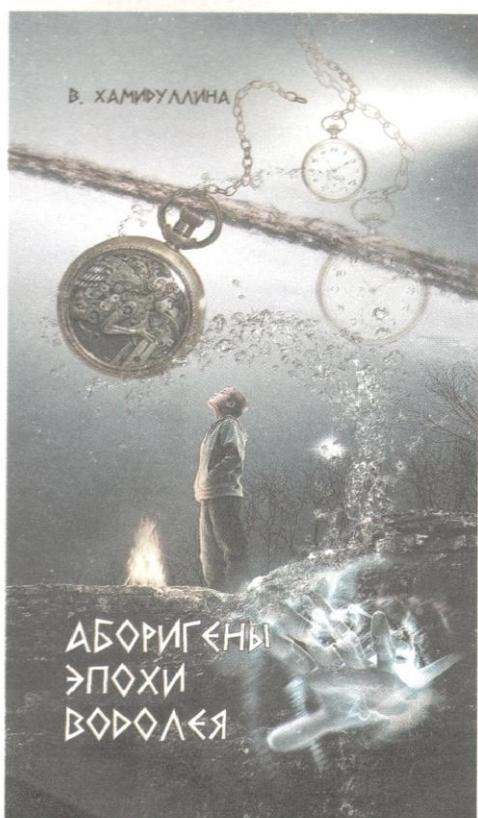
«И МЫСЛЕЙ НЕЗЕМНОЙ ЭФИР»...

Мар'ям ЛАРИНА

Особенно это важно, если...

Недавно я перечитывала книгу Натальи Ильиной «Дороги и судьбы». В главе, посвящённой Чуковскому, она восхищается тем, как Корней Иванович, не ссылаясь на занятость, всегда отвечал авторам, дарившим ему книги. О себе же Ильина пишет: «Как каждый литератор, выпустивший книжку, я дарю её друзьям, посылаю знакомым. Вскоре возникает ощущение, что книга брошена в пропасть: не то чтобы письма, телефонного звонка — и того нет! Но я и сама, бывало, за присланную мне книгу не благодарила вовремя, знаю

за собой этот грех и в других бросить камня не смею. Занятостью, однако, себя не оправдывала, понимала: просто было лень сделать над собой усилие. Обычная распущенность. Обычная невежливость, за которой равнодушие к ближнему».

Такая вот «распущенность» сегодня просто расцвела. Я не литератор, но если мне дарят книгу, считаю важным отозваться как читатель. Особенно это важно, если видишь талант автора, сумевшего выразить смыслы и знаки эпохи.

Сегодня хочу сказать о Вере Хамидуллиной. Для тех, кто (случайно, конечно!) не знаком с этим именем, справка: работает в Центральной городской библиотеке Набережных Челнов библиотекарем, член редколлегии журнала «Аргамак». За тринадцать лет издала: семь поэтических сборников; десять книжечек стихов и прозы для детей; семь книг с переводами татарских поэтов, переложения мариийских сказок «Зверь из свиты Кожла-Озы», «Праздники и фольклор татарского народа» (совместно с Альфией Галимуллиной); «Детское экологическое движение в Республике Татарстан» (совместно с Натальей Валеевой). Художественно-поэтический альбом «В поисках Шамбалы», изданный ею в соавторстве с художником Никасом Сафоновым, получил Гран-при на Третьем Берлинском Международном литературном конкурсе «Лучшая книга года 2012». В том же году Хамидуллина стала руководителем, издателем и переводчиком билингвального детского литературного проекта «Современные авторы — детям».

А ведь это ещё не всё. Во всяком случае, два последних сборника, изданных в прошлом году, не упомянуты. Читаю по утрам один из них — «Абориген эпохи Водолея».

Нет такого понятия — «провинция»!

...Начну издалека. Мне кажется, что женщина пишущая (неважно — стихи или прозу, лишь бы настоящее) должна изначально иметь, как у Ахматовой или Ахмадулиной в юности, тонкий абрис, хрупкие черты. Если уже в самой внешности обозначен образ Музы, то всенепременно — не только она пишет, но и её пишут! И довольно быстро начинает складываться звёздная литературная судьба (даже терни типа ждановского доклада — лишь временные пропалы на пути к славе).

Как это ни обидно, куда каверзней, драматичней дорога к признанию без какой-то особенной харизматичной внешности. Вгляд красивых женских глаз, излучающий только доброту и простодушие, не магнетичен. Поэтому довольно долго «обычные» на вид женщины не осознают дарованного им таланта, боясь признаться даже себе, что умеют видеть окружающий мир иначе, чем обыватели.

Так было и с Верой Хамидуллиной. Сначала она думала, что её стезя — это спорт, потом работала

воспитательницей в детском саду. Хотя, конечно же, в свою тетрадочку уже пописывала...

Кто знает, быть может, Вера Хамидуллина и не появилась бы на небосклоне российской словесности, если бы не Интернет. Вот как рассказывает об этом сама Вера: «В 2004 году я издала в Челнах свой первый поэтический сборник. Друзья, знакомые, родные — все хвалили, но мне хотелось непредвзятого мнения. Я вышла на порталы «Русская рифма», «Что хочет автор», «Живое слово» (там моя поэтическая подборка вошла в десятку лучших). Но я постоянно ощущала недостаток знаний и тоже по Интернету записалась на мастер-классы к поэтам Игорю Царёву, Надежде Коган и критику Валентину Алексееву. Жизнь завертелась. Участие в сетевых конкурсах и оценки членов жюри вселили в меня чувство уверенности в своих силах. Сегодня я не боюсь затевать какие-то свои проекты».

Казалось бы, вот оно, признание. Но, увы, само это понятие почти испарилось вместе со временем, собиравшим целые стадионы слушателей поэтов-шестидесятников. Нет теперь и миллионных тиражей. Более того, порой нет даже отзыва на изданную книгу, почему мне и вспомнились слова Натальи Ильиной, почему я и сказала себе, читая последний сборник Веры и не найдя в Сети отклики: «Чудесная книга! И как это несправедливо, что все молчат!».

Меткие попадания

...Уже сама обложка — это сплошные символы. Ребёнок, вода, огонь, девочка с крылом ангела (или ангел с лицом девочки?), время на циферблатах часов, как в картине Дали... Что там ещё — неразгаданное, зашифрованное? Да и сама книга — полна метафор, двойственных смыслов, обиняков...

Как часто одна строка Хамидуллиной вмещает множество дум и наблюдений. Вот, например, из самых разных стихотворений сборника по одной такой строке: «я сор в глазу, овечка в волчьей стае», «не пролить бы то, что Бог плеснул», «мне бы млечную вечность испить», «чёрное золото в розлив диктует конфликты и войны», «цыпки-секундочки зёрна часов склевали»...

«Цыпки» строк у неё складываются в стихи, обозначающие бег времени, связь поколений, а порой и характеристику, ни много ни мало, века, в котором доводится жить. Сравним:

...Но разбит твой позвоночник,

Мой жестокий, жалкий век — Осип Мандельштам о веке двадцатом.

«Мрака нет в России, есть мракобесие,

Про которое грешно не юродствовать — Вера Хамидуллина о двадцатом первом.

Точность попадания у обоих поэтов равны — и по краткости, и по меткости. Продолжая свою мысль о юродстве, на другой странице Вера пишет:

Гони речитатив, частушки голоси,
Цыганисто пропой о самом сокровенном,
И чарочкой стихов по кругу обнеси,
Пока, душа, твой крик пучиною не прерван.
Дурачся и дуркуй, коси под дурака...

Это горестное признание — отражение невесёлых мыслей о времени, обесценившем значение культуры слова. Размышляя об этом, автор книги то называет свои стихи «макулатурой», то тоскует:

Когда б могли не людоедским,
А человечьим языком
Мы изъясняться и не светский
Предпочитали бы приём...
Приём чужой души, волнений,
Чужих переживаний мир...
Мир мимолетных откровений
И мыслей неземной эфир...

Невольно вспомнились «души неопытной волненья» Татьяны Лариной. В словах не юной девы, а зрелой женщины Веры жива всё та же Татьяна, причём не только доверчивая и открытая, но и та, что сумела устоять перед искушением кинуться в запоздалые объятия любимого.

Я — женщина!
Во мне любовь и боль
Переплелись, страданье и терпенье,
Умение пожертвовать собой
И жертвы не принять в момент лишенья.
Эти строки — из главы «Я — женщина».

«Искоренить добро моё не надейтесь!»

Всего в книге шесть глав. Начиная с «солнечного детства волшебства», где «мама резала хлеб, и румяная корка под ножом издавала чарующий хруст» — вся жизнь поэта отражена, озвучена и по воспоминаниям, и по впечатлениям от недавних поездок. Через радость встреч с малой родиной пробивается и жалость вперемежку с грустью:

Пусть ни мяса, ни пшеницы,
Не родить и не зачать...
Нам поможет заграница,
Чем, не будем уточнять!
Жили-были, жили-были...
Бабка с дедом жили бы...
Но, похоже, отслужили
Нашей родины рабы...

Так и «возит» она свои то нежные, то невесёлые мысли, колеся по дорогам страны. Ас вождения, Вера любит скорость.

«Кто быстрее» шарю с накальным ветром.
Вот его обжигу, чтоб догнать он меня не мог.
Пешеходные переходы почти как гетры —
Полосатые гетры на длинных ногах дорог». Зоркой, нежной, критичной, саморонничной, строгой к себе и шире предстаёт Вера Хамидуллина в стихах. А главное своё кредо, мне кажется, она выразила так:

Я вымешаю на людях глухую радость.
Искоренить добро моё не надейтесь!
Это не доля, дань — это просто данность —
голову запрокинув, залиться песней.
Вам подарить ожерелье речной работы?
Только для Вас сплеталось оно с любовью:
бусинки слов, нанизанные на ноты —
этот изыск оценит и примет любой ли?!

А кружевное небо воздушной шалью
Вы от меня не желаете ли на плечи?
Только для Вас небесных кружев не жаль мне —
с ними легко живётся и дышится легче!
Перстень со дна достану с таким сапфиром,
свет от которого станет звездой путеводной!
Только для Вас у лучшего ювелира
был он заказан в волшебном миру подводном!
К Вашим ногам буду воду носить горстями,
к солнцу её направлю аркадой радуг...

Можно подарками хвастать перед гостями...
Можно дарить другим, вымещая радость...

«Поюны, смелые без меры»

... Я встретила Веру на литературном фестивале имени Лобачевского. Ну, конечно! Она не могла не примчаться из своих Челнов на этот мистический зов, а точнее вызов, сделанный когда-то самим Лобачевским. Чуть ли не первым из поэтов принял этот вызов Велимир Хлебников.

Кстати, казанский фестиваль, названный именем Хлебникова, тоже любимый для Веры. Она посвятила этому поэту несколько стихотворений.

Перунострунные потоки —
Из-под пера струятся строки.
Звенят, подобно зинзыверу,
Поюны, смелые без меры.
Из века в век несут потомкам
Слова смысл тайный, точный, тонкий...
Слова цыганствуют по миру
За Хлебниковым Велимиром...».

В Казани непокорный Лобачевский перенёс, можно сказать, травлю (в отличие от Гаусса, который побоялся отойти от традиций, ибо «косы, гнездо которых Вы потревожите, полетят Вам на голову», как писал он другу). Презрение коллег, боль непонимания, отверженности — всё было. Но ничто не заставило Лобачевского отказаться от своего виденья мира и, в частности, геометрии.

Учёные изучают законы мирозданья, поэты выводят свои формулы жизни и смерти. И те, и другие, ищут новое, отталкиваясь от старого. И всё вместе больше всего на свете нуждаются в любви и понимании. И тогда «можно летать», как утверждает Вера Хамидуллина:
Люди, как ангелы, только с одним крылом.
Можем летать, с подобным объединившись...